

Кровная месть – регулируемый обычаем институт, призванный поддерживать баланс сил между родами [4].

Роль женщины – несмотря на патриархальную структуру, женщины обладают значительным влиянием, особенно в вопросах чести и политических браков [6].

Символика сокровищ – клад Нibelунгов, доставшийся Зигфриду, является не только источником богатства, но и символом проклятия, что отражает отношение германцев к власти: она даруется судьбой, но требует мудрости и справедливости [1].

4. Влияние христианства

Автор «Песни о Нibelунгах» – христианин, живущий в эпоху зрелого феодализма. Он интерпретирует языческие события через призму христианской морали. Чрезмерная жажда мести Кримхильды, ведущая к гибели тысяч людей, осуждается как грех. Трагический финал воспринимается как Божье возмездие за гордыню, нарушение верности и отказ от милосердия. Это свидетельствует о процессе ассимиляции языческих традиций в христианскую мировоззренческую систему [7].

Заключение. «Песнь о Нibelунгах» является не просто литературным произведением, а сложным историко-культурным феноменом, в котором через форму героического эпоса запечатлены реальные события, обычаи и ценностные установки древнероманского общества. Анализ текста позволяет выявить отражение конкретных исторических катастроф, таких как гибель бургундского королевства, а также реконструировать социальные нормы, действовавшие в условиях племенной демократии и раннего феодализма.

Произведение демонстрирует механизм функционирования устной традиции как средства передачи коллективной памяти. При этом христианизация общества привела к переосмыслению языческих сюжетов, что сделало возможным их сохранение в письменной форме. Таким образом, «Песнь о Нibelунгах» остается важным источником для изучения не только литературы, но и истории, культуры и менталитета древних германцев [3].

1. Das Nibelungenlied. – Stuttgart: Reclam, 2006. – 320 S.
2. Гринченко, А.В. Героический эпос германцев: от мифа к истории / А.В. Гринченко // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2019. – № 4. – С. 98–115.
3. Кузицин, В.И. История Германии: от древности до наших дней / В.И. Кузицин. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 527 с.
4. Мельников, А.Г. Культура германцев в эпоху Великого переселения народов / А.Г. Мельников. – СПб.: Изд-во РХГА, 2005. – 312 с.
5. Приск. Описание событий времени Аттилы / Приск // Византийские источники по этнографии народов Европы. – М.: Наука, 1965. – С. 45–112.
6. Сага об Эдде / пер. с исл. В.Н. Топорова. – М.: Ладомир, 1995. – 448 с.
7. Хайм, Д. «Песнь о Нibelунгах»: история создания и рецепция / Д. Хайм. – М.: Наука, 2001. – 184 с.

ОБРАЗЫ РЕПТИЛИЙ В СОСТАВЕ БЕЛОРУССКИХ, РУССКИХ, АНГЛИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Красовская Я.И.,

аспирант ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Маслова В.А., доктор филол. наук, профессор

Ключевые слова. Зооморфизмы, фразеология, рептилии, языковая картина мира, лингвокультурология.

Keywords. Zoomorphisms, phraseology, reptiles, linguistic worldview, linguistic and cultural studies.

Серпентонимы (названия пресмыкающихся как объект лингвистического изучения) являются фрагментом зооморфного кода культуры и целостной языковой картины мира. При рассмотрении номинаций животных с позиций лингвокультурологии, особое внимание уделяется анализу национально-культурных коннотаций, характеристик, которыми образы наделяются в коллективном сознании носителей языка. По мнению В.Н. Телия, образно-ситуативная мотивированность знаков вторичной номинации напрямую связана с мировидением народа, носителя языка [2, с. 214]. Это обуславливает

изучение функционирования метафорических значений данных единиц. В составе фразеологии, паремий и устойчивых выражений зоообразы приобретают ярко выраженную эмотивную и оценочную окрашенность, большинство из них носит антропоцентрический характер. Несмотря на то, что лексико-семантическая группа номинаций рептилий является немногочисленной, интерес к ее изучению вызван недостаточной изученностью в сравнительно-сопоставительном аспекте. Цель данной статьи – выявить сходства и различия в интерпретации образов пресмыкающихся в рамках картин мира носителей русского, белорусского, английского и французского языков.

Материал и методы. В качестве материала выступили лексические единицы, обозначающие рептилий, в составе фразеологических единиц русского, белорусского, английского и французского языков, отобранные методом сплошной выборки из фразеологических словарей [1; 3–5]. Основными методами данного исследования являются описательный, сравнительно-сопоставительный и метод компонентного анализа.

Результаты и их обсуждение. Количество обнаруженных фразеогизмов, основным компонентом которых является название пресмыкающихся, невелико: 12 в русском и белорусском, 14 в английском и 17 во французском языках. В результате проведенного анализа номинаций рептилий в рассматриваемых языках были выявлены следующие серпентонимы, выступающие в качестве основы для образования вторичных значений и обладающие фразеообразующим потенциалом: змея / змяя / *serpent* / *snake*; уж / вуж / *couleuvre*; гадюка / гадзюка / *vipère* / *viper*; крокодил / *crocodile* / *crocodile*; хамелеон / *chameleon*; черепаха / чарапаха / *turtle* / *tortue*; ящерица / яшчарка / *lizard* / *lézard*.

Наиболее продуктивным и частотным является образ змеи, что связано с его мифологизированным характером. В фольклорном представлении она является олицетворением подлости, хитрости, а в библейском понимании символ грехопадения и искушения. Несмотря на то, змея также ассоциируется с мудростью и исцелением (является медицинским символом), в рассматриваемых лингвокультурах данный образ отмечен преимущественно негативными оценочными коннотациями.

Данный образ используется как символ опасности, актуализируя признаки неприметности и наземного образа жизни: рус. змея подколовная / бел. змяя падкалодная; гад печаны, гадзіна паўзучая; англ. *a snake in the grass* / *serpent caché sous les fleurs* («змея в траве / в цветах» – «тайный враг»), *lower than a snake's belly* («ниже живота змеи» – «отвратительный человек»); *scotch the snake, not kill it* («ранить змею, но не убить» – «временно обезвредить»). Во французских идиомах подчеркивается коварство (*perfide comme un serpent* – «коварный, как змея», *ruse de serpent* – «змеиная хитрость», *langue de serpent* – «змеиный язык») и осторожность змеи (*prudence de serpent*).

Представление о змее как об опасном существе, которому нельзя доверять, отражено в идиомах с компонентом «гадюка»: *шыпець як гадзюка*; *cherish a viper in one's bosom*; *a nest of vipers* / *nid de vipères*. Для французского, русского и белорусского аналогов идиомы *«cherish a viper in one's bosom»* характерно использование гиперонима «змея»: *пригреть змею на груди* / *грэць (гадаваць) змяю на сваіх грудзях* / *réchauffer un serpent dans son sein*; змеиное гнездо.

Во французской фразеологии уж предстает как символ безобидного существа: *avaler une couleuvre* («проглотить ужа» – «оказаться чересчур легковерным»), *paresseux comme une couleuvre* («ленивый как уж»). В идиоме *«souple comme une couleuvre»* («гибкий как уж»), как и в русских «виться ужом», «как уж на сковородке» и белорусской «звіваща вужам (на патэльні)» актуализируется такой признак, как гибкость змей. Тесное место в белорусской фразеологии метафорически обозначается с помощью идиомы «вуж галавы не ўткне».

При использовании образа змей актуализируются и другие типичные внешние признаки. Характерное извилистое передвижение отражено в английском глаголе *«to snake»* – «извиваться, петлять», а также в австралийской идиоме *«wriggle like a cut snake»* («извиваться, как раненая змея» – «хитрить»). Во французском языке идиома *«serpents de feu»* («огненные языки») основана на характерной вытянутой форме тела змей.

Образ ящерицы в английском языке отличается амбивалентностью: с одной стороны, так метафорически называют лентяя (англ. *«lounge lizard»*, фр. *«faire le lézard»* – «греться на солнце; бездельничать», *«paresseux comme un lézard»* – «ленивый как ящери-

ца»); с другой – подчеркивается высокая скорость и продуктивность: рус. «верткий как ящерица», англ. «flat out like a lizard drinking» («как ящерица пьет» – «работать с максимальной отдачей»). В белорусской идиоме осторожный взгляд ассоциируется с ящерицей («глядзе́ць як яшчарка») на основании ассоциации с осторожным поведением рептилии.

Посредством образа черепахи актуализируются следующие характерные признаки: неповоротливость (англ. «turn turtle») и низкая скорость передвижения: рус. «ползти как черепаха», «черепаха зайцу не товарищ», бел. «паўзі як чарапаха», англ. «to set the tortoise to catch the hare» («заставить черепаху догонять зайца» – «пытаться сделать невозможное»), фр. «à pas de tortue» («черепашьим шагом»). Противопоставление черепахи и зайца как воплощений скорости и медлительности восходит к известному сюжету басни Эзопа. Выражение «как Бог черепаху» / «як Бог чарапаху» основано на представлении о черепахе как животном с неказистым обликом.

Единственным и универсальным для рассматриваемых языков фразеологизмом, основанным на образе крокодила, является «крокодильи слезы / кракадзілавы слёзы / crocodile tears / des larmes de crocodile».

Образ хамелеона связан с его наиболее яркой характеристикой – умением изменять цвета: так метафорически обозначают человека, непостоянного в своих убеждениях. рус. «изменчивый, как хамелеон», англ. «chameleon-like», фр. «être comme un caméléon».

Заключение. Группа серпентонимов в рассмотренных языках является немногочисленной, представлена схожим набором образов и сопоставимо равным количеством фразеологических единиц на их основе. Проанализированные образы рептилий имеют устойчивые символические значения, определяемые физической морфологией, образом жизни и мифологическими представлениями о них. Несмотря на сходства в интерпретации большей части образов пресмыкающихся, обнаружены и несовпадения в семантике и способе ее выражения в составе фразеологических единиц.

1. Слоўнік беларускіх народных параднанняў / уклад. Т.В. Валодзіна, Л.М. Салавей ; пад навук. рэд. В.М. Макіенка. – Мінск : Бел. навука, 2011 . – 482 с.
2. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, pragматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
3. Хомутникова, Е.А. Англо-русский словарь фразеологизмов с компонентом-зоонимом / Е.А. Хомутникова, Ю.С. Боровых. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. – 126 с.
4. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org>. – Дата доступа: 06.11.2025.
5. Dictionnaires Larousse français monolingue et bilingues [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.larousse.fr>. – Дата обращения: 06.11.2025.

АББРЕВИАТУРЫ И СОКРАЩЕНИЯ В РУССКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

*Крупенина А.П.,
студентка 5 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Бочкова Г.Ш., ст. преподаватель*

Ключевые слова. Аббревиатура, сокращения, дискурс, финансы, акроним.
Keywords. Abbreviation, reductions, discourse finance, acronym.

Слово – это одно из важнейших элементов языка. Развитие слов в языке связано с эволюцией, социальным поведением людей, с развитием социальных сетей, так что каждый день создаются десятки или даже сотни новых слов. При взаимодействии с другими людьми человек стремится эффективно передать необходимую информацию в ограниченные временные рамки. Поскольку комплексные словосочетания и термины обременяют нашу речь, мы стремимся сократить их. Согласно С.А. Беляевой, стремительное развитие современной науки и техники, а также намерение выразить сложные слова и словосочетания более компактно стимулируют создание аббревиатур [1, с. 110]. С одной стороны, такое сокращение может привести к экономии времени, но с другой стороны,